

Б-189

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

БАЙБАКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Специальность: 07.00.02 - отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва - 1997

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории XX века
Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор О.Н. Митцева

доктор юридических наук, заслуженный профессор МГУ,
академик Международной Академии Наук
Высшей Школы Д.Л. Златопольский

доктор исторических наук, профессор А.Г. Голыков

Ведущая организация -

Исторический факультет Московского педагогического
государственного университета им. В.И. Ленина

Защита диссертации состоится «___» июня 1997 г. в 17.00 на
Заседании специализированного Совета Д.053.05.08 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора исторических наук при Московском
государственном университете имени М.В. Ломоносова (118899, Москва,
Воробьевы Горы, МГУ, 1-ый корпус гуманитарных факультетов, историче-
ский факультет, ауд. 551).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГУ
им. А.М. Горького Воробьевы Горы, Первый корпус гуманитарных
факультетов МГУ).

Автореферат разослан «.....» мая 1997 г.

Ученый секретарь

Специализированного Совета

Исторических наук

П.М. Мещерякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

9
5-189

Актуальность темы исследования. Драматические последствия упразднения СССР, крушение надежд на амортизирующую роль Содружества Независимых государств (СНГ), в которое пока не удалось вдохнуть жизнь, подтвердили самые пессимистические политические прогнозы. Тяжелые результаты разрушения Союза проявились везде, так как произошел полный распад политического, экономического, оборонного, культурного и правового пространства СССР. Россия и страны ближнего зарубежья переживают острый социальный и демографический кризисы, сопровождающиеся политическими конфликтами, в том числе и вооруженными. В такой ситуации перед российской общественностью не мог не встать ряд дискуссионных вопросов: был ли неизбежен (предопределен) распад СССР; имелась ли возможность сохранить его в реформированном виде в начале 90-х годов; стоит ли ныне стремиться к возрождению государственного объединения бывших союзных республик, и каковы шансы на успех в этом деле.

Логика поиска ответов на эти непростые вопросы заставляет политиков и ученых постоянно обращаться к процессу формирования СССР с тем, чтобы выяснить, не были ли уже в фундамент Советского Союза заложены факторы, предопределившие будущий распад. Во второй половине 80-х годов преобладало мнение об изначальной жизнеспособности СССР, созданном в целом на основе рациональных принципов, которые в дальнейшем были извращены сталинской "автономистской" национальной политикой. В настоящее время некоторые политологи, публицисты, а также часть российских ученых-обществоведов полагают, что созданное большевиками государство (вне зави-

симости от того, было ли оно сталинского или ленинского образца) не могло быть ничем иным, кроме как “унитарно-тоталитарной колониальной империей”, так как строилось преимущественно на насилии, демагогии и обмане. Часто высказывается мнение о порочности национально-территориального принципа, положенного в основу строительства Союза. Утверждается, что противоречия, таившиеся в нем, не могли не привести СССР к печальному концу. Такие объяснения легко вписываются в господствующую политическую и идеологическую конъюнктуру. Однако наш богатый кризисными ситуациями опыт показывает, что высказанные в такой момент суждения и оценки часто грешат односторонностью и преувеличениями.

В кризисные периоды развития общества возрастает социальная значимость исторической науки, становящейся существенным фактором его духовного возрождения. Общество нуждается в объективной оценке событий прошлого. Потребность в новых исторических исследованиях по истории образования СССР, соответствующих современному уровню развития исторической науки и дающих объективный, всесторонний анализ этого неординарного события, сейчас как никогда велика. Однако, чем ближе эпоха, которую исследует гуманитарий, тем большее влияние на ее изучение оказывает политика. Воздействие политики на науку сложное: прямое и косвенное, позитивное и негативное. Одной из отрицательных сторон оказываемого влияния является конъюнктурность, когда историческая наука становится “политикой, опрокинутой в прошлое”. Конъюнктурность вредна всегда, но особенно она опасна в период кризисного состояния науки. В это время естественная защитная реакция науки ослабевает, прежде всего из-за исчерпания устаревших теорети-

ко-методологических принципов. Соответственно возрастает значение других компонентов, обеспечивающих ее поступательное развитие. Одним из таких компонентов является историография.

Функции историографии вообще и в момент кризиса исторической науки, в частности, можно правильно понять, исходя из диалектической концепции развития, признающей единство двух сторон - отрицания и преемственности. Если смена старого качества новым происходит не через диалектическое отрицание, а нигилистически, путем "голого" отрицания, уничтожающего старое качество целиком, то ни о каком движении вперед не может быть и речи. Именно в таком нигилистическом отрицании состоит опасность конъюнктурного воздействия на науку. Понимание ее пагубного влияния на массовое историческое сознание и профессиональную историографию среди историков имеется.

Как-то академик М.В. Нечкина метко назвала проблему историографии проблемой наследства в исторической науке, отметив, что без нее наука перестает восприниматься как процесс, так как исчезает ход накопления реальных исторических знаний. Продолжая эту верную мысль, заметим, что в кризисные моменты развития исторической науки именно на историографию ложится основная тяжесть по обеспечению преемственных связей в развитии исторической мысли. Потребность в глубоких историографических обобщениях в такие периоды особенно велика. Этими соображениями руководствовался автор, выбирая тему своего исследования.

Объектом исследования является отечественная историография образования СССР.

Предметом изучения - сложный и противоречивый процесс накопления научных знаний по рассматриваемой теме. Основное внимание сосредоточено на изучении формирования и развития концепции образования СССР.

Цель и задачи исследования. Основная цель исследования заключается в осмыслении накопленного опыта изучения образования СССР. На основе современных представлений о пути развития советской исторической науки автор ставил перед собой задачу обосновать критерии членения процесса исследования рассматриваемой проблемы; проанализировать каждый из выделенных историографических этапов с точки зрения складывания исследовательской проблематики, составляющей концептуальную основу темы, охарактеризовать состояние источниковой базы и теоретико-методологического уровня научных работ.

Кроме того, автор стремился проследить в хронологической последовательности ход изучения узловых проблем рассматриваемой темы; показать динамику взглядов советских ученых на сущность и основные этапы объединительного движения; эволюцию взглядов В.И. Ленина и большевиков на государственно-правовые формы решения национального вопроса в России, поиск государственной формы объединения советских республик осенью 1922 г.; разработку Конституции СССР 1924 г. На основе проведенного анализа имеющейся научной литературы и с учетом всех опубликованных на сегодняшний день исторических источников автор ставил перед собой задачу выявить наиболее актуальные, перспективные и слабо изученные аспекты истории образования СССР.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период изучения рассматриваемой темы с середины 20-х годов до начала 90-х годов XX века.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первое в отечественной исторической науке исследование, специально посвященное анализу трудов советских ученых, вышедших за весь период изучения образования СССР.

Практическая значимость диссертации видится в том, что она дает возможность историкам, юристам, политологам составить довольно полное представление о степени изученности рассматриваемой проблемы и облегчить выбор аспекта для ее дальнейшего исследования. Работа может быть использована преподавателями, студентами, аспирантами, читающими и изучающими общий и специальный курсы по Отечественной истории, истории государства и права России XX века.

Апробация работы. Диссертация, представленная к защите на соискание ученой степени доктора наук, была обсуждена на заседании кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ и рекомендована к защите. Принципиальные проблемы и положения диссертации нашли отражение в ряде докладов и выступлений автора: в 1982 г. - на VI семинаре историков СССР социалистических стран (доклад опубликован); межвузовской научной конференции в МГИМО и Ломоносовских чтениях в МГУ (основное содержание докладов опубликовано в журнале "Вопросы истории КПСС", 1982, NN 7,8); в 1986 г. - на II коллоквиуме историков СССР и Португалии (Лиссабон) (основное содержание доклада опубликовано в "Вестнике

Московского университета. Серия История", 1987, N 4); в 1987 г. - на заседании "круглого стола" в Институте истории СССР АН СССР (выступление опубликовано); в 1988 г. - на пленарном заседании Ломоносовских чтений в МГУ; в 1991 г. - на заседании "круглого стола" исторического факультета МГУ (отчет опубликован в газете "Московский университет", 1991, N 2); в 1992 г. - на конференции историков России и Польши в г. Лодзь (доклад опубликован в 1996 году).

Степень изученности. Зарождение историографических исследований по проблеме советской союзной государственности относится ко второй половине 20-х годов. Начавшееся интенсивное изучение вновь образованного государства потребовало оперативного анализа опубликованных работ. Так как авторами подавляющего большинства из них были юристы, то и первые серьезные историографические обзоры создавались также представителями этой науки. Это обстоятельство важно отметить, поскольку в дальнейшем юристы уступят лидерство в историографических исследованиях историкам.

В рассматриваемый период в юридической периодике и журналах по советскому строительству помимо множества содержательных рецензий часто публиковались тематические обзоры литературы. Среди них выделяется своей особой обстоятельностью обзор И. Ильинского¹. Комплекс выделенных автором проблем интересен прежде всего тем, что вскоре они либо совсем исчезнут из научной литературы, либо отойдут на задний план, чтобы вновь стать предметом дискуссий лишь 30 лет спустя, после XX съезда КПСС. Это - вопрос о юридической природе СССР (федерация или конфедерация), суве-

¹ Ильинский И. Становление Советского федерализма (обзор) // Печать и революция. Книга I. М., 1926.

ренитете республик и его гарантиях (о праве выхода из СССР), влиянии национального и экономического факторов на федеративное устройство государства, его централизацию и децентрализацию, перспективы развития советской федерации по мере решения национального вопроса.

С конца 20-х годов быстро набирала силу политизированная научная публицистика, чутко улавливая стремительно меняющуюся политическую и идеологическую атмосферу. Разоблачительная кампания, развернутая в то время конъюнктурно настроенными правоведами, привела к такому пониманию и реализации классового подхода в советском государствоведении, которое, видимо, можно определить как узкоклассовый, абсолютизирующий классовые отношения. Он выразился в нигилистическом отрицании применения формально-юридических методов в советском государствоведении, так как используемый в этом случае понятийный аппарат и методы его применения выработывались дореволюционной отечественной и зарубежной немарксистской правовой мыслью. Типичным образцом такой конъюнктурной историографической работы может служить книга А.К. Стальгевича "Пути развития Советской правовой мысли". Движимый стремлением разоблачить все проявления буржуазной науки в трудах советских юристов, автор находил их практически у каждого серьезного государствоведа-аналитика, поскольку все они в той или иной мере использовали отвергаемую методологию. Проблемы, поставленные критикуемыми авторами (М.О. Рейхелем, Н.И. Палиенко, Д.А. Магеровским, И.Н. Анановым, В.Н. Дурденевским и другими), Стальгевич объявляет надуманными, являющимися результатом неправомерного применения методов буржуазного государствоведения к качественно иному объекту

исследования - советской государственности, классовая природа которой диаметрально противоположна буржуазной². Такие историографические обзоры нанесли науке колоссальный вред, так как по существу лишали советских государствоведов их профессионального инструментария, выработавшегося ранее десятилетиями, отсекали возможность использования достижений зарубежной юридической науки, обрекая советское государствоведение на те самые описательность и схематизм, против которых велась борьба. Ко всему прочему, торжество нигилизма вело к ликвидации историографического направления в научных исследованиях. В 30-е годы оно практически исчезло.

После XX съезда КПСС, когда встала задача преодоления последствий культа личности Сталина в гуманитарных науках появилась потребность переосмысления накопленных за три десятилетия знаний. Поскольку эта функция принадлежит, главным образом, историографии, в те годы, пожалуй, впервые в истории советской исторической науки широко развернулись историографические исследования.

Именно тогда, в 60-е годы, серией статей С.И. Якубовской и Д.А. Чугаева на новую ступень было поднято и историографическое изучение рассматриваемой темы³. Они интересны прежде всего впервые предпринятой попыткой проследить весь ход изучения рассматриваемой проблемы. Процесс исследования образования СССР разбит на три историографических этапа с ве-

² *Стальевич А.К.* Пути развития советской правовой мысли. М., 1928. С. 51.

³ *Якубовская С.И.* Строительство Союзного Советского социалистического государства. М., 1960. С. 29-49; *Она же.* Советская историография образования СССР // Вопросы истории. 1962. № 12; *Чугаев Д.А.* Образование СССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6; *Она же.* Историография образования СССР // Очерки по историографии советского общества. М., 1965.

хами в середине 30-х и середине 50-х годов. Причем, если последняя из них обоснована позитивным воздействием решений XX съезда КПСС, то рубеж первого и второго этапов специально не мотивируется. Видимо, здесь сказались влияние сложившейся в то время общей периодизации истории советского общества, согласно которой к середине 30-х годов в СССР был построен социализм и, как один из его результатов, сложился культ личности Сталина.

Заслуга Якубовской и Чугаева состоит также в том, что они начали своеобразную "реабилитацию" литературы 20-х - начала 30-х годов, фактически заново вводя ее в научный оборот. Не отказываясь еще от обвинений С.А. Котляревского, М.О. Рейхеля и ряда других государствоведов в недооценке особенностей классового характера советского федеративного государства и в чрезмерной аналогии с буржуазными федерациями, историографы признали глубину и обстоятельность анализа этими юристами взаимоотношений республик до образования СССР и в его составе. Анализируя достоинства и недостатки литературы второй половины 30-х - начала 50-х годов, Якубовская и Чугаев акцентировали внимание на проявлениях в ней культа личности Сталина. При этом авторы не скрывали того, что они руководствовались документами КПСС. В то же время оба историографа положительной чертой работ второго историографического этапа считали правильное освещение периодов объединительного движения и внимание к деятельности Коммунистической партии. Однако критерием "правильности взглядов" в данном случае служила схема объединительного движения, содержащаяся в решении XII съезда РКП(б) и работах Сталина, а освещение роли коммуни-

стической партии, по признанию обоих историографов, было далеко от исторической правды.

Таким образом, при оценке таких аспектов рассматриваемой проблемы, как роль Ленина и партии, акцент сознательно или подспудно смещался с того, *как* пишут, на то, *о чем* пишут. Получалось, что если пишут о В.И. Ленине и партии (естественно, в соответствии с директивными указаниями ее руководителей), то это уже само по себе хорошо и правильно. В дальнейшем, в годы так называемого “застоя”, на этом будут спекулировать сотни околонуточных авторов, на все лады переневавших к очередному юбилею давно известные истины.

Начало третьего историографического этапа Якубовская и Чугасв относят к середине 50-х годов. Историографический анализ работ тех лет сосредоточен на том, как в них отражена роль Ленина и партии в разработке теоретических проблем советской федерации, создании союзного государства, критике плана “автономизации”, международном значении образования СССР. В разделах работ о современной (для авторов историографических статей) литературе по рассматриваемой проблеме в наибольшей степени проявился такой типичный недостаток как библиографизм, когда историографический анализ превращается в совокупность небольших аннотаций на отдельные труды, причем конкретный вклад исследования определяется в общих чертах, а внимание концентрируется на отдельных, порой частных проблемах.

В какой-то мере этого недочета не удалось избежать и М.И. Куличенко, когда он охарактеризовал только что появившиеся тогда монографии С.И. Якубовской и С.С. Гилилова. Однако, определив на основе этих книг

наиболее дискуссионные аспекты историографии образования СССР, он поставил в центр историографического анализа различные точки зрения ученых и высказал о них свое мнение. Такой подход позволял изживать элементы библиографизма. Еще в большей степени проблемный принцип анализа литературы присущ более поздним работам всех вышеуказанных авторов⁴. В них были четко сформулированы хорошо изученные аспекты, выявлены спорные вопросы и проанализированы позиции авторов, указаны пробелы в работах советских историков и государствоведов.

Дальнейшее историографическое изучение образования СССР шло в русле общей концепции истории советской исторической науки, в основном сложившейся к середине 60-х годов и наиболее полно отраженной в IV томе "Очерков истории исторической науки в СССР". Проблема образования СССР в общей историографической литературе отражена довольно поверхностно и больше напоминает библиографический обзор, чем историографический анализ. Более подробно она отражена в обобщающих трудах по истории государства и права, так как советская государственность является в них специальным предметом исследования. Тем не менее эти труды все же интересны как первые попытки обобщения и систематизации всего массива государственно-правовой литературы, предпринятые после пятидесятилетнего перерыва. Они дают представление о проблематике исследований, позициях авторов, состоявшихся дискуссиях и слабо изученных аспектах.

⁴ Куличенко М.И. Юбилейная литература о месте и роли национального вопроса в Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1969. № 3; Якубовская С.И. Основные этапы и проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР // Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. Душанбе, 1970.

О сильных и слабых сторонах историко-правовых историографических трудов этого периода с полным основанием можно судить, обратившись к самой, пожалуй, содержательной монографии этого жанра, написанной Н.Я. Куприцем. Автор выявил и систематизировал практически всю литературу 20-30-х годов по советскому государственному праву. Рассматривая советскую Конституцию в качестве нормативной базы для формирования науки советского государственного права, автор выделил три этапа ее становления развития, ориентируясь на даты принятия Конституций РСФСР и СССР (1918, 1923*, 1936 годы). В рамках этих этапов им подробно воспроизводятся и оцениваются различные трактовки государствоведами проблем советской Конституции, организации государства и его форм, где акцент сделан на различных подходах в освещении советской федерации и автономии; избирательного права. В отличие от предшественников Куприцу удалось показать столкновение различных мнений ученых и проследить эволюцию их взглядов. Несомненной заслугой автора являлось внимание к складыванию понятийно-категориального аппарата правовой науки.

Однако непреодоленная сталинская схема развития советского общества, положенная в основу анализа, сказалась не только на общей концепции монографии, но и на трактовке методологических аспектов рассматриваемой проблемы. Уже сама исходная установка Куприца о том, что «главное в развитии советского народа, идущего под руководством партии по пути строительства коммунизма, как и в развитии его науки, составляют не ошибки и недостатки,

* Имеется в виду принятие Конституции СССР II сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г.

а достижения и победы"⁵, свидетельствует об односторонности и некоторой заданности анализа.

Общие историографические труды вместе с историографическими статьями об образовании СССР послужили фундаментом для серии кандидатских диссертаций, специально посвященных рассматриваемой проблеме. Правда, первая из них, защищенная Е.А. Зайцевой в 1969 г., носила не историографический, а источниковедческий характер⁶. Однако автор не ограничилась определением информационных потенциалов традиционных групп исторических источников, а попыталась выяснить, насколько полно проанализированные материалы введены в научный оборот, указав тем самым на упущенные историками возможности.

Первая кандидатская диссертация по историографии образования СССР была подготовлена М.А. Малиновским в Харькове в 1973 г. Два года спустя в Москве диссертация на ту же тему была успешно защищена С.В. Кулешовым, а в год 60-летия СССР - Н.М. Родионовой (Воронеж)⁷. В этих трех взаимодополняющих работах видны достижения и просчеты советской историографии 70-80-х годов. Все авторы строго придерживаются общей историографической концепции и исходят из развития образования СССР по восходящей линии. Каждый из них начинает диссертацию с изложения своего понимания ленинского учения о советском многонациональном государстве

⁵ *Курция Н.Я.* Из истории науки советского государственного права. М., 1971. С. 10.

⁶ *Зайцева Е.А.* Польгиза РКП(б) и Советского правительства по национальному вопросу в 1921-1925 гг. (Обзор опубликованных документов). Дисс... канд. ист. наук. Ленинград, 1969.

⁷ *Малиновский М.А.* Образование СССР в советской историографии (1922-1971 гг.) Дисс... канд. ист. наук. Харьков, 1973; *Кулешов С.В.* историография деятельности коммунистической партии по созданию СССР. Дисс... канд. ист. наук. М., 1975; *Родионова Н.М.* Историко-партийная литература о деятельности Коммунистической партии по образованию Союза Советских Социалистических Республик. Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 1982.

(на самом деле в этих главах воспроизводились взгляды наиболее известных специалистов). Затем следовала поэтапная характеристика литературы под углом зрения выделенных в первой главе проблем, которая и рассматривалась как процесс утверждения марксистско-ленинской концепции. Авторы диссертаций не отказались от сложившейся к тому времени оценки литературы 20-30-х и 30-50-х годов, поэтому существенных расхождений в их позициях нет. Диссертации отличались друг от друга, главным образом, акцентами на определенные ракурсы общей проблемы: Малиновский написал работу в историческом русле, Кулешов и Родионова - в историко-партийном. Были некоторые различия в предложенной ими периодизации историографического процесса.

К юбилейным датам в исторической периодике обычно появлялось несколько историографических обзоров, в которых историки и юристы анализировали новую литературу об образовании СССР⁸. Хотя нередко эти публикации грешили библиографизмом, все же пользу они приносили, привлекая внимание научной общественности к новым работам и помогая неспециалистам ориентироваться в проблематике рассматриваемой темы. Кроме того, их авторы высказывали свое собственное мнение по существу поднятых в историографии проблем, представлявших интерес и для специалистов.

⁸ *Кукучкин Ю.С.* Проблемы изучения истории создания Союза ССР // *История СССР*. 1972. № 6; *Ахмедов М.С.* Некоторые вопросы истории образования Союза ССР // *Вопросы истории КПСС*. 1973. № 2; *Зайцева Е.А., Овсянник В.А.* Образование Союза Советских Социалистических Республик в новейшей советской литературе // *Вестник ЛГУ*. Вып. 4. 1982. № 20; *Зеленева Е.А., Кулешов С.В.* История образования СССР в советской литературе последнего десятилетия // *Вопросы истории*. 1982. № 11; *Хромов С.С.* Исторический опыт образования и развития СССР и проблемы его изучения // *Вопросы истории*. 1983. № 6; *Чистяков О.И.* Образование СССР (Некоторые вопросы историографии) // *История СССР*. 1983. № 1.

Несколько историографических статей было написано и автором этих строк⁹. В них была предпринята попытка проследить динамику концепции образования СССР в 70-е годы. С этой целью была рассмотрена трактовка всех узловых проблем данной темы. В результате проведенного анализа серьезных концепционных изменений выявить не удалось. Был сделан вывод о подтверждении концепции, сложившейся в середине 50-х - середине 60-х годов, как вполне научно оправданной. Сегодня очевидно, что такая оценка литературы 70-х годов была недостаточно верной. Как и другим историографам, мне не удалось констатировать тенденцию к застою и частичной ресталинизации.

Следующее направление в историографическом изучении рассматриваемой темы представлено работами, посвященными отдельным ее аспектам. Еще в 1967 г. С.И. Якубовская выбрала для историографического обзора относительно слабо изученную проблему - участие народов Советского Востока (Средней Азии и Закавказья) в образовании и развитии СССР¹⁰. В последующие годы появились аналогичные исследования, написанные на материалах Украины¹¹. Сюда же следует отнести историографические труды по смежным или более широким проблемам, имеющим принципиальное значение для изучения рассматриваемой темы. Это прежде всего историографические пуб-

⁹ Байбаков С.А. История образования СССР в советской историографии 70-х годов // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 6; Он же. Актуальные проблемы образования советского многонационального государства // Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М., 1982.

¹⁰ Якубовская С.И. Народы Советского Востока в образовании и развитии СССР (историографический обзор) // Народы Азии и Африки: история, экономика, культура. 1967. № 6.

¹¹ Белый П.Ф. Отражение участия украинского народа в объединительном движении за образование СССР в документальных публикациях и монографиях // Исторические источники и их изучение. Вып. 7. Киев, 1972. (на украинском языке).

ликации по истории национально-государственного строительства, национальной политике и национальным отношениям¹².

Подводя итоги историографического изучения образования СССР в доперестроечный период, приходится констатировать его отставание как от потребностей исследовательской практики, так и от историографии смежных тем советской истории. Историографам удалось решить сравнительно ограниченный круг проблем, многие из которых (прежде всего характеристика исторических этапов) нуждались в существенном пересмотре. Ими была выявлена практически вся имеющаяся литература, установлено, кто из авторов по каким вопросам и что писал, определены дискуссионные проблемы и позиции спорящих сторон. Однако ведущий компонент историографического исследования (динамика концепции) показан слабо, с догматических методологических позиций. Составить целостное представление о степени изученности всех аспектов концепции по ним трудно из-за непреодоленного библиографизма.

Историография периода "перестройки" началась с ломки неизжитых сталинских схем истории советского общества. Первоначально речь шла о возвращении к ленинизму, очищению его от сталинских и прочих наслоений. Применительно к рассматриваемой теме такой подход нашел воплощение в историографических работах А.П. Ненарокова. В статье, само название которой говорит об отказе от традиционного представления о прямолинейно-

¹² Малакчук В.Е. Вопросы историографии национальной политики КПСС // Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972; Тадевосян Э.В. Проблемы советской историографии национально-государственного строительства в СССР // История СССР. 1978, № 6; Основные направления изучения основных этапов и направлений национальных отношений в СССР // История СССР. 1979, № 2; Зевелев А.И., Кулешов С.В. История национально-государственного строительства в новейшей советской литературе // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. М., 1980.

поступательном развитии советской историографии, процесс образования СССР предстанет в более сложном виде как движение научной мысли по извилистому пути, не только вперед, но и вспять, - пути, полному драматизма, приобретений и потерь.

Автор начал с того, что отверг положение о Ленине как первом профессиональном историке рассматриваемой темы, резонно заметив, что глава советского правительства был прежде всего политиком-практиком, "опиравшимся в своих выводах, в лучшем случае, на политические обобщения исторического опыта, не преследуя задач историко-профессионального анализа"¹³. Правда, при этом Ненароков все же подчеркнул, что Ленину принадлежит первенство в историческом анализе проблем объединительного движения народов, национально-государственного и национально-культурного строительства.

Менее, чем через год в представленной к защите докторской диссертации и изданной на ее основе через два года монографии автор несколько скорректировал свою позицию, сделав ее более противоречивой. Им утверждалось следующее: "Ленин положил начало и профессиональному историческому анализу этих проблем. Однако все это отнюдь не означает, что именно с этого начинается и профессиональное изучение данных проблем исторической наукой"¹⁴. Такая весьма двусмысленная позиция Ненарокова красноречиво свидетельствовала о том, как нелегко давался историкам отказ от старых идеологических аксиом. Ведь по существу им с самого начала была

¹³ Ненароков А.П. Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потеря советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. N 6. С. 58.

¹⁴ Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917-1924. М., 1991. С. 18.

высказана правильная мысль: работы Ленина следует рассматривать как исторический источник, не включая их в историографию.

Определяя основное содержание процесса становления и развития историографии, Ненароков по-прежнему видел его в овладении ленинским наследием и концепцией. Однако в отличие от своих предшественников автор считал, что оно шло противоречиво и неоднозначно, и вплоть до середины 50-х годов слабо влияло на направление и содержание исследовательских трудов. Таким образом, по существу Ненароков пришел к верному заключению о том, что ленинская концепция так и не утвердилась в советской историографии, несмотря на субъективное желание исследователей руководствоваться именно ею. Такой вывод был значительным шагом вперед по сравнению с господствовавшим ранее мнением о том, что уже к середине 30-х годов ленинская концепция прочно утвердилась в советской историографии.

Процесс изучения объединительного движения советских народов представлен Ненароковым в виде двух витков спирали с вехой в середине 50-х годов. Характеризуя особенности литературы, вышедшей до того периода, автор верно выделил зародившуюся и утвердившуюся в то время тенденцию к упрощенному изложению истории советского общества. В ее основе лежало обоснование правильности и закономерности провозглашенного Сталиным и его ближайшими сподвижниками курса. По мере того, как позиции политических противников Сталина или просто чем-то неудобных ему государственных и партийных деятелей оценивались как вредительские, высказанные ими мысли или развитые на их основе идеи отбрасывались прочь, что вело к ис-

чезновению целых направлений в историографии и догматизации сталинской схемы объединительного движения и образования СССР¹⁵.

Основу господствовавшей в эти годы концепции, согласно Ненарокову, составили следующие положения: 1) субъектами объединительного движения считались советские республики или народы этих республик, а суть движения сводилась к вопросу об их более тесном объединении в единый государственный союз; 2) взаимоотношения Российской Федерации с независимыми советскими республиками с самого начала базировались на принципах ленинско-сталинской национальной политики; 3) образование СССР изображалось как итог реализации заранее разработанной Лениным и его единственным верным учеником Сталиным плана строительства союзного советского государства¹⁶.

Отмеченные Ненароковым характерные черты историографии 30-50-х годов можно в том или ином виде обнаружить и в литературе 20-х - начала 30-х годов. Однако трудно согласиться с ним в том, что по тематике, подходам и решениям литература конца 30-х - начала 50-х годов являлась лишь продолжением исследовательских наработок предшествующих лет¹⁷. Это утверждение идет вразрез с его же характеристикой о противоречивости процессов в историографии в период ее становления. К отмеченным выше выводам нельзя свести даже определяющее содержание работ 20-х - начала 30-х годов. Ведь сам автор писал о потерях целых исследовательских направлений, тем и подходов, наметившихся именно в начале изучения объединительного движения

¹⁵ Ненароков А.П. Догматическая канонизация сталинских подходов. С. 61.

¹⁶ Ненароков А.П. К единству равных. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 23.

и образования СССР. Представляется, что в 20-х - начале 30-х годов указанное Ненароковым направление было одним из быстро усиливавшихся течений в историографии, которое безраздельно утвердилось в науке во второй половине 30-х годов. Таким образом, вряд ли можно считать оправданным ликвидацию рубежа конца 20-х - начала 30-х годов в развитии историографии рассматриваемой темы.

Констатируя победу сталинской трактовки объединительного движения и образования СССР в историографии 30-50-х годов и связанные с этим потери, автор между тем не исключал наличия поступательной тенденции в литературе. Он раскрыл ее, рассмотрев труды историков и юристов. Характеризуя научную литературу, изданную после XX съезда КПСС, Ненароков показал начало преодоления казавшихся незыблемыми сталинских канонов и отметил неприятие новых трактовок с неосталинским, охранительным течением в историографии (особенно по вопросу о так называемом "национал-уклонизме"). По его мнению, это консервативное направление с конца 60-х годов постепенно заняло господствующее место в историографии, перекрыв дорогу многим перспективным подходам, наметившимся в период "оттепели"¹⁸.

Историографические исследования продолжали и юристы. Е.В. Алферова предприняла новую (после Куприца) попытку обобщить взгляды советских правоведов 20-х годов на федерацию и автономию, справедливо полагая, что в те годы ими был внесен существенный вклад в разработку этой проблематики. Она уделила должное внимание поискам государствоведов

¹⁸ Ненароков А.П. Там же. С. 23, 29-30.

общепризнанного значения таких отправных понятий как “самоуправление”, “автономия”, “федерация”, “конфедерация”¹⁹.

Через год исследование в этом направлении было продолжено. Коллективом авторов Отдела государства и права ИНИОН АН СССР (Е.В. Алферова, Н.А. Богданова, П.Г. Семенов и другие) был опубликован сборник обзоров о становлении и развитии советского государствоведения в 20-е годы²⁰. Сравнивая разработанную авторами концепцию с предложенной двадцатью годами раньше трактовкой вопросов Куприцем, следует отметить их совпадение по многим принципиальным позициям. В качестве научной теории и методологии был признан марксизм-ленинизм и государственное право, разработанное на его основе. Последовательное проведение марксистско-ленинской методологии фактически свелось к декларированию классовых приоритетов при изучении государства и права, при этом субъективные намерения авторов отождествлялись с результатами их научных исследований (хотя желание при разработке государственного права руководствоваться интересами рабочего класса отнюдь не гарантировало автоматически успешность его реализации). Кроме того, у них не вызывала сомнения правомерность руководящей роли КПСС в федеративных отношениях советских республик.

В основном совпадали и их объяснения трудностей развития советского государственного (конституционного) права в 20-30-е годы: 1) нежелание исследователей того времени применять дореволюционную правовую терминологию; 2) недооценка правовых норм регламентации государственного строи-

¹⁹ Алферова Е.В. Советская федерация и автономные государственно-правовые формы решения национального вопроса (исследования ученых правоведов 20-х годов). Обзор. М., 1989. С. 6-9.

²⁰ Становление и развитие советского государствоведения: исследования ученых 20-х годов. Ч. 1-2. М., 1990.

тельства; 3) политизированность науки о Конституции. Однако перестроечные веяния все же отразились на концепции новой плеяды юристов. При объяснении причин недооценки правовой регламентации функционирования государственных органов подчеркивалось фактическое верховенство власти над правом, неизбежное при диктатуре пролетариата. Константировалась регрессивная тенденция в развитии науки советского государственного права, возобладавшая с конца 20-х годов и приведшая фактически к ликвидации этой отрасли знания в начале 30-х годов²¹. Правда, один из авторов, П.Г. Семенов, считал, что процесс становления советского конституционного права затянулся, но не прекращался. Он завершился в конце 30-х годов, о чем свидетельствовал выход в свет в 1938 году первого учебника по этой дисциплине²². Широкое распространение таких негативных явлений как догматизм, вульгарная социологизация, вытеснение плюрализма мнений и нетерпимый характер критики связывался с утверждением командно-административных методов руководства и формализацией функций демократических институтов.

В русле этой концепции авторский коллектив предпринял попытку нового переосмысления взглядов государствоведов 20-х годов, систематизировав их по следующим проблемам: природа и сущность власти, ее экономическая основа, организационная структура, общие вопросы Конституции и национально-государственное устройство СССР. Общий вывод таков - советское государственное право еще не сложилось в самостоятельную отрасль юриди-

²¹ Там же. Ч. 1. С. 14-15.

²² Становление и развитие советского государствоведения: исследования ученых 20-х годов. Ч. 2. С. 16-17

ческой науки, поскольку не была выработана концепция, не определился четко предмет ее изучения, не сформировался развитый понятийный аппарат²³.

Вехи первых лет перестройки отражены также в историко-теоретическом исследовании Н.А. Богдановой²⁴, хотя в концепционном отношении работа немногим отличается от литературы застойных лет. Основной акцент в ней сделан на методологических аспектах исторического исследования в науке советского государственного права. Представляют интерес авторские размышления о единстве исторического и теоретического методов исследования, трактовка преемственности в развитии советского государственного права, постановка вопроса о движении понятийного аппарата науки. Богданова подробно остановилась на методологических аспектах периодизации советского государственного права, обосновав вывод, что ее критерии следует искать в развитии самой науки (изменении концепций и теорий). Можно согласиться и с ее выводом о том, что периодизация государственного права, построенная в соответствии с этапами социально-политической истории страны, нуждается в переосмыслении. Однако вместе с тем в работе сохранены в нетронутом виде традиционные исходные догматические установки на рассмотрение всех явлений государственно-правовой действительности с позиций интересов пролетариата, признание единственно научной марксистско-ленинской теории и методологии, отстаивание чистоты взглядов на советское государственное право с позиций догматизированного марксизма. Допускавшийся в первые годы перестройки плюрализм мнений был ограничен рамками социалистического выбора и только марксистского образца. Тем не менее

²³ Там же. Ч. 1. С. 3-6.

²⁴ Богданова Н.А. Наука советского государственного права: историко-теоретическое исследование. М., 1989.

в годы “перестройки” был сделан еще один шаг вперед в осмыслении хода и итогов изучения истории образования СССР.

За последние пять лет новых историографических трудов, специально посвященных образованию СССР, не появилось. Однако наш историографический очерк все же был бы не завершен, если не упомянуть ряд современных историографических исследований, в которых положено начало переосмыслению феномена советской историографии; предпринята попытка по-новому определить содержание этапов советской исторической науки в XX веке, проследить влияние сталинизма на развитие исторических исследований и его эволюцию в период “оттепели”; выяснить причины и суть кризиса отечественной исторической науки и пути его преодоления²⁵. Особое внимание российские историографы уделили анализу тех сложных процессов, которые происходили в недрах советской исторической науки в годы “перестройки”, когда стремительное, обвальное разрушение старых концепций опережало появление новых научных интерпретаций прошлого²⁶.

Источники. Особенность источниковой базы монографии заключается в том, что ее основу составляют историографические источники, то есть труды отечественных историков, юристов, философов и политологов. Традиционные источники (документы партийных и государственных органов, речи и статьи руководителей компартии и советского государства, периодическая печать и проч.) использованы автором преимущественно для того, чтобы составить

²⁵ История в сталинизм. М., 1991; Советская историография. М., 1996; Историческая наука России в XX веке. М., 1997.

²⁶ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Poleмические заметки. М., 1995.

мнение о качестве их анализа исследователями, проверки полноты и точности передачи информации, содержащейся в источниках.

В основу методологии исследования положен принцип объективности, историзма и конкретно-исторического подхода к источникам и литературе. Автор использовал историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы исторического исследования.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Представляемая к защите диссертация состоит из введения, одиннадцати глав и заключения.

Во введении мотивируется актуальность темы исследования, дается анализ историографических трудов по рассматриваемой проблеме, формулируются цели и задачи работы, обосновывается ее структура, хронологические рамки, а также особенности источниковой базы. Автор излагает свое представление о членении процесса изучения образования СССР, который разделяется на два периода с рубежом в начале 90-х годов. Внутри первого периода выделены пять этапов с вехами в начале 20-х и 30-х годов; середине 50-х; конце 60-х - начале 70-х и середине 80-х годов. Далее дается характеристика каждого историографического этапа. Второй период, начавшийся с августовских событий 1991 г. и распада СССР, не является предметом изучения, т.к. в 90-е годы не было издано специальных исследований по указанной теме.

В главе первой “Изучение взглядов Ленина и большевиков на государственно-правовые формы решения национального вопроса” рассматривается ход и итоги изучения этой проблемы на протяжении всех историографических этапов. Автор поясняет, почему эта тема была в центре внима-

ния советских обществоведов, и разбирает те исходные теоретико-методологические принципы, опираясь на которые отечественные ученые освещали взгляды большевиков и их лидера. Далее выявляются теоретические установки основоположников марксизма, которые, по мнению советских исследователей, легли в основу программы российских социал-демократов по национальному вопросу. Подробно анализируется содержание требования права наций на самоопределение, левские ("люксембургские") трактовки этого положения в дооктябрьский период и первые годы советской власти.

В главе рассматривается, как в отечественной историографии трактовалось изменение позиции большевиков на оптимальные (с их точки зрения) государственно-правовые формы решения национального вопроса. В дооктябрьский период они призывали к созданию унитарного демократически централизованного государства с широкой областной автономией. Самым сложным и спорным на протяжении всего периода изучения данного аспекта проблемы было отношение большевиков к использованию федерации в устройстве Российской государственности. До середины 1917 г. они выступали против федерирования России. В 1917-1918 гг. большевики признали целесообразность федеративного устройства Российской советской республики. Через год вторая программа РКП(б) официально закрепила это положение. Автор диссертации показывает, как эволюция этого программного лозунга большевиков анализировалась советскими учеными, рассказывает о дискуссиях, которые велись в 20-30-е годы и возобновились в середине 50-х годов; выявляет хорошо и слабо изученные аспекты этой проблемы в современной историографии и определяет перспективные направления ее дальнейшего изучения.

Во второй главе “Конституция РСФСР 1918 г.: исследование первого опыта оформления советской федерации” анализируются исторические и историко-правовые работы, в которых содержится разноречивая трактовка истории разработки и ряда основных положений конституции РСФСР 1918 г. Автор рассматривает позиции советских ученых по таким проблемам, как определение времени принятия решения о подготовке Конституции, периодизация хода разработки ее проекта; содержание и формы деятельности Конституционной комиссии ВЦИК; оценка различных проектов Конституции (в частности, проектов И.В. Сталина и И.М. Рейснера) и споров, возникших в ходе их обсуждения. Автор приводит также различные мнения ученых о роли Комиссии ЦК РКП(б) в разработке первой советской Конституции. Характеризуя изучение положений Основного закона, автор, исходя из целей и задач своего исследования, сосредотачивает внимание на дискуссионном вопросе об особенностях российского федерализма.

В главе третьей “Сущность и периодизация объединительного движения. Начальный этап национально-государственного строительства”, отмечается, что образование СССР на протяжении нескольких десятилетий рассматривалось как результат объединительного движения. Это концепционное положение вошло в советскую историографию еще в начале 30-х годов и прочно закрепилось в ней в 40-е годы, после появления первых монографий специалистов, посвященных этой проблематике. Таким образом, время его утверждения в научной литературе относится к периоду установления и господства сталинского единовластия и культа. Такое совпадение, конечно, не случайно, ибо сам Сталин и являлся его автором.

В главе анализируется понимание сущности понятия “объединительное движение”, а также различные варианты его периодизации, предлагавшиеся отечественными историками и юристами на протяжении всего времени изучения этой проблемы.

Советское национально-государственное строительство развернулось в двух направлениях. Во-первых, образовывались независимые и автономные республики, а также автономные области. Во-вторых, шел поиск оптимальных государственно-правовых форм их союза. Не имея возможности подробно рассмотреть ход изучения истории создания каждой советской республики, автор рассматривает общие, принципиальные проблемы становления советской национальной государственности в первые годы после Октябрьской революции, изучавшиеся советскими учеными. Основное внимание сосредоточено на освещении в советской историографии процесса поиска форм союза республик. Сопоставляются, в частности, различные суждения исследователей о причинах и результатах объединения Литовской и Белорусской республик в одно государство Литбел (февраль-август 1919 г).

В главе четвертой “Взаимоотношения республик до создания СССР в литературе 20-х - середины 50-х годов” говорится о том, как в отечественной историографии тех лет освещались взаимоотношения советских республик в период гражданской войны и перехода к НЭПу. Автор показывает, что в работах 20-х годов был не только хорошо очерчен комплекс всех принципиальных аспектов этой проблемы, но и выявилось многообразие их научной интерпретации. Анализируется аргументация ученых, считавших, что взаимоотношения РСФСР и независимых советских республик приняли форму конфронтации. Рассматривается оригинальная трактовка взаимоотношений

республик в 1918-1922 годах Х.Г. Раковским, который был в числе первых исследователей этой проблемы и считал, что союзнические связи РСФСР и УССР развивались на федеративной основе.

С середины 20-х годов к изучению генезиса советского федерализма стали подключаться юристы различных специальностей, что позволило начать углубленное исследование формирующейся системы государственных органов. Некоторые юристы предложили не ограничиваться изучением лишь составных элементов складывающейся федеративной системы, а анализировать опыт ее функционирования. Взаимоотношения республик до образования СССР продолжали изучаться в русле общей теории государства и права. Автор разбирает взгляды Д.А. Магеровского, М.О. Рейхеля и С.А. Котляревского по этому вопросу.

Следующий историографический этап (с начала 30-х до середины 50-х годов) был самым бесцветным. Общественно-политическая атмосфера сталинского режима до предела сузила горизонты творческого поиска ученых. Оказались невостребованными, забытыми или нигилистически отвергнутыми ряд нетривиальных идей, смолкли научные дебаты, уступив место проработанным кампаниям и апологетическим славословиям. В такой неблагоприятной обстановке к изучению данной темы подключились историки. Среди них были такие квалифицированные специалисты как Э.Б. Генкина, С.И. Якубовская, Д.А. Чугаев, чуть позже М.И. Куличенко и другие. Однако все они были вынуждены идти от сталинских постулатов к историческим фактам, то есть преимущественно иллюстрировать, подкреплять фактами и пропагандировать сформулированные Сталиным и его идеологическим аппаратом установки-клише. Кроме того, для добротных академических работ у

исследователей явно не хватало источникового материала разных видов. Преобладание директивно-нормативных документов во многом также предопределяло агитационно-пропагандистский характер вышедших в эти годы книг и статей.

Суть незатейливой концепции, содержащейся в трудах истоков того периода состоит в следующем: освобожденные Октябрьской революцией народы создали свою национальную государственность и заключили военно-политический союз, который всецело себя оправдал, обеспечив полную победу над интервентами и белогвардейцами.

В главе пятой “Сотрудничество республик в первые годы советской власти в исследованиях середины 50-х - начала 90-х годов” показывается, что в освещении истории взаимоотношений республик произошли некоторые изменения. Однако все они в совокупности не привели к существенным концепционным изменениям. Скорее можно говорить о некоторой корректировке рапес сложившейся концепции и подкреплении ее новым фактическим материалом. С середины 50-х годов в историографии исчезло положение о выдающемся “вкладе” Сталина и возглавлявшимся им Наркомнаце в налаживании сотрудничества республик. Изучив протоколы Наркомнаца, исследователи пришли к прямо противоположному выводу: Сталин мало внимания уделял вверенному ему органу и был скорее номинальным, чем фактическим его руководителем. Положение о руководящей роли партии сохранило свое прежнее господствующее место в трактовке взаимоотношений республик до образования СССР. Рассматривая деятельность высших партийных инстанций, историки констатировали, что все принципиальные и спорные вопросы согласовывались и рассматривались именно ими.

Историки и юристы продолжали изучать становление и оформление государственного союза советских республик. Они проследили влияние быстро менявшейся военной обстановки на динамику взглядов государственных и партийных руководителей, высказывавшихся (вне зависимости от ситуации) в поддержку полного слияния или федеративного объединения республик. В работе показаны различные мнения ученых о Декрете ВЦИК от 1 июня 1919 года. Подавляющее большинство исследователей рассматривало его как своего рода федеративный договор между суверенными республиками, хотя высказывались и другие суждения. В историографии тех лет довольно полно отражена деятельность партийных и государственных органов по проведению декрета ВЦИК в жизнь, показано сотрудничество независимых советских республик в области экономики и культуры, а также координация их внешнеэкономической деятельности.

В главе шестой “Завершающий этап образования СССР в историографии 40-х - начала 50-х годов” отмечается, что историки подключились к изучению данного периода образования СССР в крайне неблагоприятный момент. Обстановка сталинского единовластия и культа не могла не сказаться на взглядах исследователей. Их эвристические потенции были ограничены сравнительно небольшим кругом доступных источников и необходимостью следовать в русле сталинских идей. Тем более, что Сталин, будучи одним из главных действующих лиц описываемых событий, неоднократно высказывал свое мнение о них. Его официальные выступления и легли в основу концепции, содержащейся в работах конца 30-х - начала 50-х годов. Возвеличивание Сталина в работах того периода приняло такие масштабы, что противодействовать ему не было возможности ни на уровне концепционно-доктринальном,

ни даже в освещении конкретных исторических фактов. Особенно ярко это проявилось в трактовке такой ключевой проблемы как борьба с так называемым “национал-уклонизмом”. Акцент на его классово-враждебном социальном источнике давал возможность рассматривать коммунистов, названных “национал-уклонистами”, в качестве врагов партии, “идейной агентуры” социально чуждых сил.

Борьба с грузинскими “национал-уклонистами” освещалась на фоне такого важного события в национально-государственном строительстве, каким являлось образование Закавказской Федерации. Рассматривая причины ее создания, историки придерживались сталинских доводов, содержащихся в его выступлениях 1921-1923 годов. В процессе создания Закавказской Федерации выделяли ряд этапов: экономическое объединение закавказских республик; борьба за создание их федеративного союза (ФСССРЗ); дальнейшее более тесное объединение, завершившееся преобразованием ФСССРЗ в ЗСФСР. Советские историки показали, что на завершающем этапе процесс объединения закавказских республик в федерацию проходил одновременно с поиском формы их союза с другими суверенными советскими республиками. Необходимо было решить острую политическую проблему, входят ли Грузия, Армения и Азербайджан в СССР непосредственно или через Закавказскую Федерацию.

В главе седьмой “Поиск формы объединения республик осенью 1922 г. в работах середины 50-х - середины 80-х годов” события завершающего этапа образования СССР рассматриваются на новом историографическом этапе. Он был открыт статьями В.В. Пентковской и С.И. Якубовской, вышедшими сразу после XX съезда КПСС. В последующие годы историки и

юристы опубликовали множество статей и монографий о поиске государственной формы объединения республик, написанных на новых материалах. Из монографической литературы, специально посвященной описываемым событиям, несомненно выделялась работа С.И. Якубовской. Следует отметить также труды С.С. Гилилова, Д.Л. Златопольского, М.И. Куличенко, С.В. Хармандаряна, С.С. Чирко, О.И. Чистякова, Д.А. Чугасва, определившие высший уровень и ключевые позиции в советской историографии середины 50-х - середины 80-х годов.

Опираясь на вновь опубликованные работы В.И. Ленина, историки и юристы получили возможность убедительно показать различие подходов Ленина и Сталина к определению формы государственного единства советских республик, приступив к демонтажу одной из несущих конструкций (при сохранении в основном других) предшествующей историографии. В главе рассматриваются изменения в трактовке таких узловых проблем завершающего этапа создания СССР как: причины и время исчерпания договорных отношений между независимыми республиками и РСФСР; определение инициатора постановки вопроса об уточнении взаимоотношений республик; роль Ленина в процессе поиска формы объединения республик; причины появления и сущность плана "автономизации", предложенного Сталиным; реакция ЦК компартий независимых республик на проект комиссии ЦК РКП(б); оценка деятельности "национал-уклонистов"; реакция Сталина и его единомышленников на критику их предложения об "автономизации".

В главе восьмой "Образование ЗСФСР в отечественной историографии середины 50-х - начала 90-х годов" показывается, что в освещении истории образования ЗСФСР и борьбы с грузинскими "национал-уклонистами"

(“независимцами”) влияние сталинской парадигмы преодолевалось с большим трудом. Однако некоторые сдвиги в трактовке этой сверхидеологизированной проблемы все же произошли. Роль возмутителя спокойствия взял на себя грузинский историк А.И. Менабде, который довольно смело по тем временам выступил против вульгаризации позиции “национал-уклонистов”. Одним из первых от использования старых сталинских ярлыков отказался и Ю.М. Качарава.

Освещая ход образования ЗСФСР и борьбу мнений по этому вопросу, Менабде предложил не упускать из вида, что решение о ее создании принималось тогда, когда еще не было ясного представления о том, такую конкретную форму примет государственное образование суверенных республик. В главе рассматриваются новые аспекты в трактовке основных этапов образования ЗСФСР и столкновение мнений между сторонниками и противниками Сталина и Г.К. Орджоникидзе по вопросам о путях и формах экономического и политического объединения республик Закавказья.

Следующей важной проблемой, вставшей перед историками и юристами, был вопрос о государственно-правовой природе ФСССРЗ. Из историков структуру и деятельность государственных органов ФСССРЗ достаточно полно изучили С.В. Хармандарян и Дж.Б. Гулиев. Они показали, как функционировали высшие органы Федеративного Союза, как решался вопрос о создании объединенных наркоматов и выработывался порядок управления ими.

Автор сообщает также, как советские историки мотивировали необходимость вступления закавказских республик в СССР не порознь, а через ЗСФСР. Анализируются различные мнения специалистов по вопросу о том, сохраняли ли Грузия, Армения и Азербайджан свой суверенитет при таком способе вхо-

ждения в СССР. Далее в главе рассказывается о том, как в советской историографии освещались такие события осени 1922 г., как отставка ЦК КП(б) Грузии старого состава, “грузинский инцидент”, обсуждение сделанных ею выводов в ЦК РКП(б).

В главе девятой “Разработка Декларации и Договора об образовании СССР: итоги изучения в свете новых документов” отмечается, что в советской историографии разработке Декларации и Договора об образовании СССР уделено явно недостаточное внимание. Лишь в монографии Якубовской эта проблема была впервые поставлена и освещена на основе нового архивного материала. Ныне информацию, содержащуюся в работе Якубовской, можно сопоставить с недавно опубликованными материалами комиссии пленума ЦК РКП(б), которые позволяют уточнить и дополнить ее. Из работ Якубовской было известно, что созданную на октябрьском пленуме ЦК РКП(б) комиссию возглавил Сталин. Теперь мы знаем весь персональный состав этой комиссии. При рассмотрении хода обсуждения вопросов, связанных с подготовкой к провозглашению СССР на заседаниях комиссии, констатируется, что наиболее острые разногласия возникли по проблемам разграничения компетенции между Союзом и республиками в области государственного управления. Так, Якубовская воспроизвела позицию Л.Б. Каменева и Х.Г. Раковского при обсуждении вопроса о количестве смежных (союзных), объединенных (союзно-республиканских) и необъединенных (республиканских) наркоматов. Недавно опубликованные документы дополняют наши сведения о спорах, происходивших на заседаниях комиссии, дают представление о соотношении сил между сторонниками жесткой централизации государственного управления и теми, кто отстаивал права республик.

Далее в главе рассматривается интерпретация Якубовской разработки основных начал Конституции СССР и текста Союзного договора подкомиссией под председательством Г.В. Чичерина, которая сопоставляется с недавно опубликованными документами. Под аналогичным углом зрения анализируется дальнейшее обсуждение проекта Договора об образовании СССР ("Основ Конституции СССР") и процедуры подготовки к провозглашению СССР на заседаниях комиссии пленума ЦК РКП(б) 30 ноября, 5 декабря и 16 декабря 1922 г. и пленума ЦК РКП(б), состоявшегося 18 декабря того же года.

В главе десятой "Освещение в современной российской историографии заключительного периода формирования союзного государства" отмечается, что "перестроечная" и "постперестроечная" историография образования СССР пока еще представлена весьма скромным числом опубликованных научных исследований. Тем не менее, следуя принятому нами основному критерию членения историографического процесса, период с конца 80-х годов можно выделить в качестве самостоятельного, условно назвав его "современным". Его главная психологическая черта состоит в полном преодолении сталинской концепции истории образования СССР и появлении новых трактовок рассматриваемой темы. В главе показывается, что демонтаж сталинской концепции истории формирования союзного государства проходил в тесной взаимосвязи и под влиянием новых интерпретаций смежных проблем отечественной истории (истории советской политической системы, а также национальной политики и национальных отношений).

Ныне историки по-новому представляют расстановку сил в высшем эшелоне власти. Так, в период болезни Ленина обострилась борьба между наиболее влиятельными членами политбюро ЦК РКП(б). Сталин, опираясь на под-

контрольный ему партаппарат, вместе с Н.И. Бухариным при поддержке Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева начал борьбу со своим главным соперником Л.Д. Троцким. Однако самая существенная метаморфоза произошла в отношении “национал-уклонизма”. Она нашла отражение в приложенной к протоколу комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий от 29 мая 1990 года справке, которая была подготовлена сотрудниками тогда еще существовавшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Полный отказ от сталинской концепции завершающего этапа создания СССР стал возможен прежде всего благодаря введению в научный оборот новых документов, не изданных ранее главным образом по идеологическим соображениям. Наиболее весомый вклад в публикацию нового комплекса источников по рассматриваемой теме внес коллектив архивистов, возглавлявшийся А.П. Ненароковым. Недавно опубликованные документы дали возможность точно установить, как Сталин и его единомышленники обосновывали необходимость и возможность “автономизации” независимых республик, воспроизвести позицию критиков плана “автономизации”, причем на основе источников, непосредственно исходящих от “независимцев”. В современной историографии выработан правильный подход к оценке взглядов Х.Г. Раковского. Его воззрения рассматриваются историками не сами по себе, а в контексте борьбы мнений вокруг сталинского плана “автономизации”. В отечественной историографии конца 80-х годов была также пересмотрена оценка известного антиавтономистского постановления ЦК КП(б) Грузии от 15 сентября 1922 г. Кроме того, современные научные исследования позволяют гораздо полнее и реалистичнее представить ход обсуждения сталинского проекта в центральных органах коммунистической партии, отношение к нему наиболее влиятельных членов полит-

бюро ЦК РКП(б), обстоятельства вмешательства Ленина в дискуссию, реакцию Сталина и его единомышленников на критику плана “автономизации”.

Глава одиннадцатая “Разработка Конституции СССР 1924 г. глазами историографа” начинается с анализа интерпретаций ленинской статьи “К вопросу о национальностях или об “автономизации”. Далее рассматривается доперестроечная концепция “грузинского дела”, относящегося к первой половине 1923 г. и освещаются изменения фактического и интерпретационного характера, происшедшие в отечественной историографии в 90-е годы. Знакомство с этими аспектами проблемы позволяет лучше понять обстановку, в которой велась выработка проекта Конституции.

Далее автор указывает, что первыми историю разработки Конституции СССР 1924 г. начали изучать юристы. Следуя своим профессиональным интересам, они сосредоточились на анализе того, как вырабатывались основные положения Конституции. Иными словами, ими изучался прежде всего содержательный аспект создания Основного Закона. Формы и методы работы над проектом освещались кратко.

С середины 30-х годов в изучении разработки первой Конституции СССР наступил некоторый спад, объяснимый, главным образом, воздействием неблагоприятной общественно-политической атмосферы в стране. В конце 40-х годов, когда сама Конституция СССР 1924 г. и процесс ее создания из сферы текущей политики переместились в область истории, к исследованию этой темы активно подключились историки и снова обратились юристы. В эти годы наиболее значительный вклад в освещение рассматриваемой темы внесла Э.Б. Генкина. Она впервые ввела в научный оборот архивные материалы из фонда обеих конституционных комиссий ЦИК СССР, что позволило ей вос-

создать процессы выработки Конституции в строгой хронологической последовательности, установив, а в ряде случаев уточнив датировку всех стадий подготовки проекта. Аналогичную задачу, но с акцентом на государственно-правовые аспекты создания Конституции пытался решить С.Л. Ронин.

Следующий шаг в изучении разработки Конституции СССР 1924 г. был сделан после XX съезда КПСС. Вновь обратившись к этой проблеме, Якубовская попыталась уточнить периодизацию разработки проекта. Она впервые в полном объеме ввела в научный оборот предложения Фрунзе, с которыми он выступил на февральском (1923 г.) пленуме ЦК РКП(б). Она более подробно изложила содержание письма Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 4 февраля 1923 г. Однако в освещении непосредственной работы над проектом Конституции до XII съезда Якубовская не продвинулась дальше работ Генкиной и Ронина.

К наиболее серьезным достижениям советской историографии 60-70-х годов следует отнести освещение хода работы над проектом Конституции, которая проходила в союзных республиках в первой половине 1923 г.

Рассматривая ход разработки проекта Конституции после XII съезда партии, Якубовская впервые в советской историографии подробно осветила обсуждение спорных вопросов комиссией ЦК РКП(б), которое предшествовало работе Расширенной комиссии ЦИК СССР. Глава завершается определением перспектив дальнейшего изучения хода разработки Конституции СССР 1924 г.

В “Заключении” формулируются задачи дальнейших историографических и конкретно-исторических исследований по истории образования СССР.

Основные публикации по теме диссертации

1. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М., 1997. (25 п.л.)
2. У истоков советской государственности (октябрь 1917-1924 гг.). М., 1993 (совместно с Т.А. Сивохиной) (автору принадлежит 4 п.л.)
3. Образование и развитие СССР. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (эпоха социализма). Вып. 2. М., 1979. (1 п.л.)
4. Актуальные проблемы образования Советского многонационального государства в условиях развитого социализма // Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М., МГУ, 1982. (2 п.л.)
5. История образования СССР в советской историографии 70-х годов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1982. N 6. (1,5 п.л.)
6. Образование СССР - торжество ленинской национальной политики // Национальный вопрос в дореволюционной России и его решение после Великой Октябрьской социалистической революции. М., МГУ, 1984. (0,75 п.л.)
7. Исторические корни великой дружбы // Вопросы истории. 1984. N 2. (совместно с В.А. Федоровым и Ю.Я. Терещенко) (0,75 п.л.)
8. Летопись Октября // Партийная жизнь. 1987. N 20. (0,25 п.л.)
9. Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа за "крутым столом" // История СССР. 1987. N 6. (0,25 п.л.)
10. Итоги и перспективы изучения Конституции РСФСР 1918 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. N 6. (2 п.л.)
11. Принцип противоречия в изучении национальных отношений // Депонировано в ИНИОН РАН. N 46471 от 7.05.1992 (1 п.л.)
12. СССР: Размышления после распада // Проблемы истории Польши и России XIX и XX ввков. Лодзь, 1996 (0,5 п.л.)
13. Был ли неминуем распад СССР? Зарождение противоречий советской политической системы в период ее становления // Распад СССР: истоки, причины, следствия (1,75 п.л., в печати)